

А. А. Жилинский.

По Самоедскому берегу.

===== ИЗДАНИЕ =====

Архангельского Губернского
Экономического Совещания.

Архангельск.

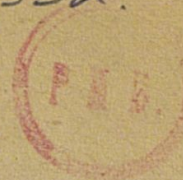
Типография „Северолес“.

1923 г.

А. А. Жилинский.

D.

37.62.8.352.

1922
7.3.

По Самоедскому берегу.

== ИЗДАНИЕ ==

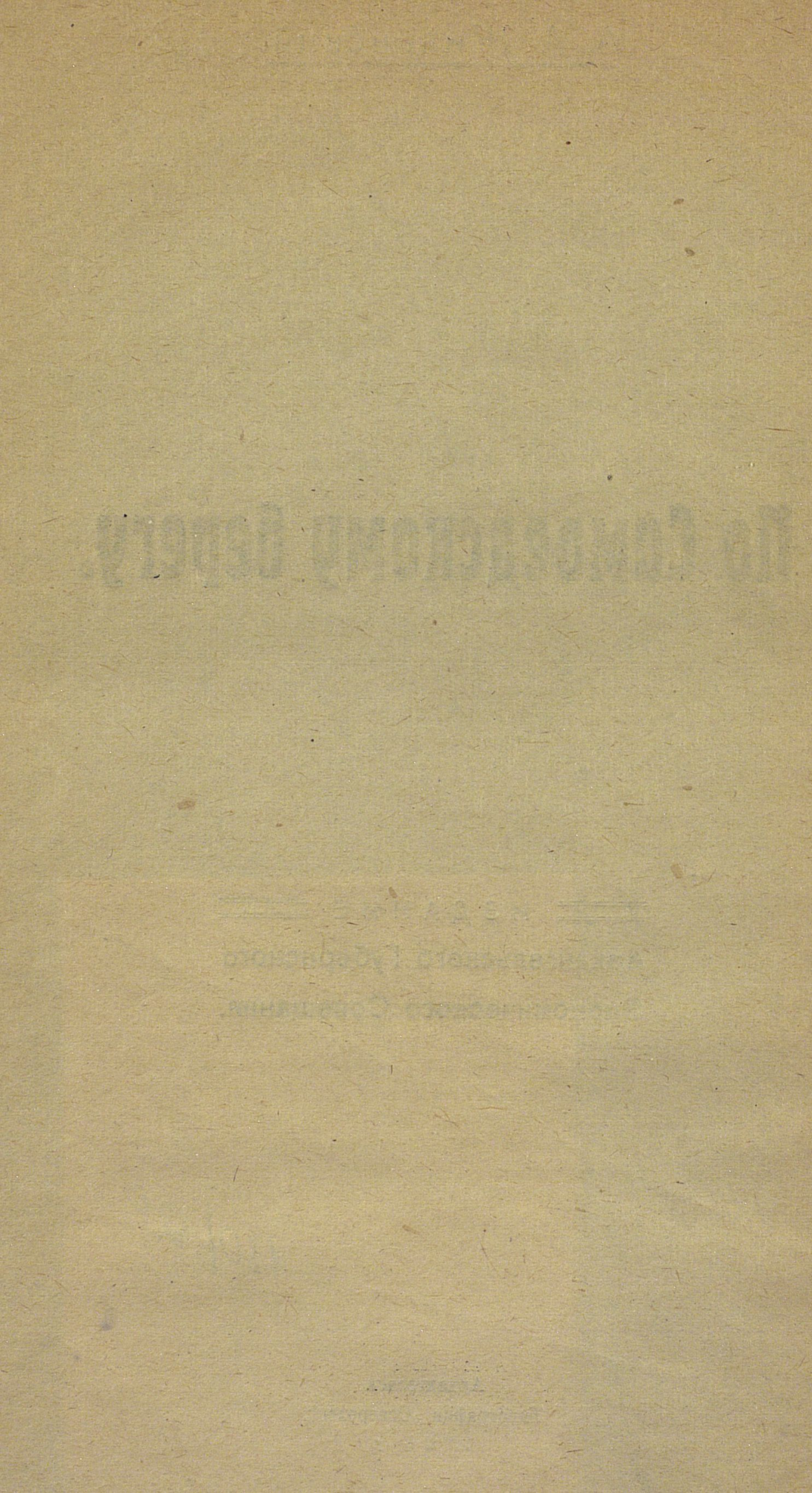
Архангельского Губернского
Экономического Совещания.

130/128

Архангельск.

Типография „Северолес“.

1923 г.

ПО САМОЕДСКОМУ БЕРЕГУ.

Парусно-моторное судно «Шарлотта» вышло из Архангельска в рейс по Самоедскому берегу 10 июля в 10 ч. вечера.

Быстро миновали бар р. Северной Двины и, пользуясь SO ветром, пошли на парусах.

Погода исключительно благоприятная. На море тихо. 11 июля в 2 ч. дня подошли к с. Зимней Золотице, якорь бросили верстах в 3-х от берега. Село Нижняя Золотица расположено по Зимнему берегу Белого моря, в 180 верст. от Архангельска, на левом берегу небольшой р. Золотицы. Селение состоит из 79 дворов. В 10 вер. вверх по реке находится другое село Верхняя Золотица—158 дворов. Местность живописная. Песчаную низину устья реки замыкают огромные песчаные обрывы, поросшие густым лесом. Население живет рыбными и морскими звериными промыслами, мореходством, постройкой судов, живет довольно бедно. Морской звериный промысел, который, по преданиям старины, в прежние времена «золотил» промышленников (отсюда и производят название распространенных на Севере селений Золотиц), за последнее время совершенно пал. Тюлень, загребавший еще так недавно огромными «юрами» (сталами) по всему Белому морю, стал искать новых районов и сильно уменьшился количественно. По примитивным объяснениям промышленников «зверья распугали своим дымом пароходы», особенно когда установились зимние рейсы дельцеволов.

Безпределное хищничество промышленников Зимнего, Терского, Мезенского берегов во время шенки тюленей на плавучих льдах, безконтрольное и безнаказанное хищничество норвежских зверобойных судов в горт Белого моря и рыскающих почти круглый год во всех направлениях русских вод Ледовитого океана сильно попорвали этот богатейший в мире звериный промысел. Если не будут теперь же приняты меры к охране тюленьего промысла на Севере и рациональному регулированию, то, возможно, близок день окончательного его падения. Так, в свое время, произошло с промыслом китов в Ледовитом океане, такая же судьба постигла промысел моржа!

Из рыбных промыслов на Зимнем берегу происходит летний и осенний промысел семги, зимой наваги.

Печальная судьба рыбных прибрежных и речных промыслов Севера. Они уничтожаются и расхищаются и не имеют никакой охраны и точных норм их эксплуатации. Самый ценный промысел—семги грозит скоро падением.

Хлеб волится здесь плохо. Полсобных промыслов мало. Народ все более и более уходит на архангельские лесопильные заводы. Замечается также тяга к переселению в другие районы. Участь населения Зимней Золотицы разлетаются и другие селения Зимнего берега: Козлы, Куя, Инны, Мегра, Ручьи.

От Золотицы судно «Шарлотта» направилось к с. Инцы. Ветер стих. На море мертвый штиль. Подошли к судну «Сатурн», чтобы захватить с него карбас. Курс взяли на о. Сосновец.

12-го июля, в 10 ч. утра, подошли к о. Данилову. Слабый мотор судна плохо выгребал против быстрых приливных течений. «Шарлотта» черепашим шагом плетется вперед. Возвышенный мрачный Терский берег местами обильно покрыт снегом. Около самого берега, то тут, то там, выглядывают погибшие пароходы. Сильные и неизученные течения, частые туманы, недостаток маячных огней, близость («голоменных») Горайновских и Орловских мелей (кошек) закрепили за этим районом от о. Данилова до Орлова плохую славу «кладбища судов».

В час дня достигли траверза р. Поной. На зеркальной поверхности играют белухи. Еле заметный ветер то и дело меняет направление. С жалобным клекотом кружатся над судном чайки, по поморской примете, «вьют колокольню к шторму».

Скоро навалился густой туман.

Беспрестанно приходится подавать сигналы туманным горном, во избежание столкновения с другими судами. Где-то вблизи вторит пароход.

Но не слышно допотопного уханья пушки на Орловском маяке.

К вечеру достигли траверза Орлова.

Туман рассеялся. Начал раздуваться N ветер и развел скоро большое волнение.

Трудно было «Шарлотте» пробиваться против ветра и волны. Пришлось повернуть обратно под защиту Трех Островов.

Три Острова представляют собой группу маленьких скалистых островов, из которых наиболее значителен о. Вешняк, дающий укрытие судам от NW—N—NO штормов, но при других ветрах стоянка здесь судов опасна и невозможна. Район скалистый, прилив воды достигает до 17 фут, скорость течения до 4 узлов в час. Гавань Три Острова самой природой создана для оборудования убежища морских судов. Здесь, в бухте Бакалда, имеется даже великоленное место для естественного наливного дока, куда, пользуясь огромными приливами воды, заходят иногда для ремонта парусные суда и пароходы.

Три Острова—единственное место в Белом море на всем протяжении от Архангельска (175 миль) по главной курсовой линии Севера, пригодное для оборудования гавани—убежища, о которой так давно и так много говорилось и писалось. В Трех Островах «Шарлотте» пришлось отстаиваться от шторма 10 дней. Безпрерывно дул NO ветер, то и дело наваливался густой туман.

22 июля ветер отошел в О и волнение улеглось. На полной воде снялись с якоря и пошли к Городецкому маяку, от которого повернули на Канин Нос. Течением судно сильно сдрейфовало на S.

Канинский берег еще густо покрыт снегом.

Вечером 23 июля обогнули Канин Нос. Снова усилился NO ветер и развел крупное волнение. Но судно легко справлялось со штормом. В течение трех дней пришлось лавировать, медленно подвигаясь вперед, в надежде зайти за остров Коргу, около Восточного Канина.

26 июля пришли на траверз о. Корги, но зайти за него не было никакой возможности. Место отмелое, нигде нет опознавательных знаков. По далеко вытянувшимся в море кошкам ходили страшные буруны. Плавать приходится ощупью.

Только мой прошлогодний рейс сюда на парусном судне «Варильд» давал все необходимые сведения для плавания. В эти же самые дни около двух недель пришлось на «Варильде» лавировать и лежать в дрей-

фе от Восточного Канина до о. Колгуева, а затем с попутным штормом уйти в губу Дроздовку на Мурмане.

Но на этот раз я взял курс прямо в р. Пешу.

Судно быстро миновало Микулкин Мыс, милях в 10-ти от берега. Вечером на горизонте обозначился Бармин Нос. Быстрым отливным течением «Шарлотту» сдрейфовало от курса почти до мыса Сувойного. Океанское волнение было совсем незаметно, т. к. NO ветер приходился здесь уже с материка.

Скоро миновали устья р. р. Волонги, Безузны, Прищатенка, Прищатиницы, Пешницы. Устья однообразные, с моря плохо заметны. Нигде ни знаков, ни створов. Только в устье р. Пешы еле заметный с моря примитивный знак, сооруженный самими жителями. Первобытный край!

В устье р. Пешы, на бар, вошли с морским приливом и поднялись вверх по реке на 40 верст до самого селения Нижняя Пеша.

В р. Пеше «Шарлотта» простояла до 8 августа. Погода хорошая, но часто дожди.

Для обследования соседних рек была использована имевшаяся на судне моторная шлюпка.

Свой промысел рыбы рюжами и неводами плохой. Пустая летом река. Морского зверя—зайца и нерпы совсем не видно. За все время убили одного зайца пудов в пять.

8-го августа, в 5 час. утра, незадолго до полной воды вышли в море для следования в р. Индигу. Курс лежал вдоль берега, милях в 10-ти, на Бармин Нос.

Ветер SO. На море тихо. Вечером подошли к Бармину и прошли до Святого Носа. Полуостров Святой Нос узкой полосой верст на 20-ть вытянулся в море, местами отлогий. На горизонте, по ту сторону Святого Носа, виден погибший в губе Горностаевой ледокол «Скуратов». «Скуратов» прочно сел на подводную банку в феврале 1922 г., когда погрузил в Индигской губе оленье мясо и был затерт льдами, которые прижали «Скуратова» на банку.

В 1920 г. около Святого Носа был также затерт льдами ледокол «Соловей Будимирович» и унесен со льдами океанским течением в Карское море.

От Святого Носа «Шарлотта» повернула на о. Тиманец, в зависимости от ветра.

Глубины шли 5—6 сажен и резко изменились на 14—12—10 фт. Пришлось убавить парусов. Вскоре судно село на мель. Легкая океанская зыбь немного била судно о грунт. Была спущена моторная шлюпка и карбас для промеров Индигской губы, в поисках фарватера для захода в р. Индигу. С приливом судно снялось с мели и пошло в реку. Якорь бросили за песчаной грядой (Корга-Нос), отделяющей вход в реку от губы.

Здесь царство самоедов. Везде по тундре одинокими островками разбросаны самоедские чумы.

На судно то и дело приезжают самоеды. Им сдаются имевшиеся на судне товары. Это первая еще попытка непосредственной доставки из Архангельска снабжения для тундры.

Кошмарна эта самоедская действительность! И некому внять страданиям людей, протянуть им руку помощи. Таков удел инородцев Севера.

И горе тем пионерам, которые своим приходом хотят нарушить установившийся в тундре вековой рабский строй.

Погода все время стояла плохая. Дождь, туман, ветер NO, доходивший временами до степени урагана.

21-го августа, в 9 час. утра, на полной воде вышли из р. Индиги и направились на Восточный Канин.

Ветер легкий О.

На следующий день в 3 часа дня подошли к о. Корга. Около середины острова, не доходя одной мили до берега, на глубине 2 с полов. саж., бросили якорь. Пользуясь тихой погодой, произвели с карбаса точный промер фарватера за о. Коргу, куда вошли с вечерней прибылой водой. За островом простояли до 3 сентября. Погода хорошая. Ветер SO временами SW. Наступала уже осень. Ночи значительно потемнели. Стали появляться легкие вспышки северного сияния. Угрюмая, однообразная, бесконечная тундра. Край одних самоедов. Бесконечные жалобы на свое житье. Безхлебица. Падеж оленей от копытной болезни. Нищета.

Весь район подробно обследован на моторной шлюпке. В сети обильно попадает камбала, корюх, навага.

3-го сентября вышли в море. Немного не доходя до Канинского Носа, попали в сильный NW шторм. Зарифили паруса. Штормом судно отбросило значительно в сторону к NO от Канина. Шесть дней пришлось идти до берега, пока не вышли к Святому Носу (Терскому). 10-го сентября быстро пробежало судно до Трех Островов, зашли в р. Поной, версты на 2 от устья, где простояли до 21-го сентября.

23 сентября, подхваченные от о. Данилова попутным штормом, достигли Архангельска.

САМОЕДСКИЙ БЕРЕГ.

Под общим названием Самоедский берег принято именовать побережье Ледовитого океана от Канинского берега до Югорского Шара, по имени обитающих здесь самоедов. Обычно же называют берег от Канинского Носа до р. Вижас—Восточный Канин, далее берег Чешской губы, а от Индиги (Святого Носа) до устья р. Печоры—Тиманское побережье (Малоземельский берег).

Берег от Индиги до Колокольной губы называют также Сенгейским, по имени близ лежащего около берега о. Сенгейского; от губы Колокольной до устья Печоры—Захарьинский берег; от устья Печоры до Югорского Шара—Большеземельский берег.

Самоедский берег до сих пор является одним из наименее изученных районов на Севере. Русскими отважными промышленниками он посещался еще в далекие времена. Их морской путь на Новую Землю, открытую храбрыми новгородцами еще задолго до посещения ее иностранцами, на Вайгач, в Карское море—в р. р. Обь и Енисей,—пролегал неизменно около Самоедского берега. Обветшалые столетние кресты и старинные сгнившие избы, разбросанные по всему берегу, с очевидностью говорят о частом посещении берега русскими промышленниками. Но имеются указания, что еще в XVI и XVII столетиях ходили сюда русские промышленники.

Первое русское гидрографическое исследование Ледовитого океана производилось с 1734 г. по 1741 г. обширной экспедицией, под общим начальством командора Беринга.

Исследование побережья Ледовитого океана и впадающих в него рек было возложено на три гидрографические отряда, которые были отправлены на судах из Архангельска, Тобольска и Якутска в Ледовитый океан. Первый отряд во главе с Муравьевым и Павловым вышел из Архангельска летом 1734 года на двух кочах и осмотрел часть северного берега до Югорского Шара и прошел до Ямала, откуда вернулся на зимовку в устье р. Печоры.

В 1736 г. снова были отправлены из Архангельска Малыгин и Скуратов.

В 1824 г. Адмиралтейским департаментом решено было продолжать начатую в 1821—22 г. г. штурманом Ивановым опись устья Печоры и северных берегов России. В течение лета отряд Иванова описал: устье Печоры, морской берег к востоку от Медынского заворота и от устья Синькина Носа до Югорского Шара, восточный берег о—ва Вайгач, берег к западу от р. Печоры до Колоколковой губы. Кроме того, были произведены астрономические наблюдения широты и долготы острова Матвеева и Гуляевских кошек. Опись берега и островов к востоку от устья р. Печоры производилась на карбасах, а к западу на оленях. В 1826 г. была организована экспедиция для продолжения описи северного берега России от Канина Носа к востоку до р. Оби. Экспедиция делилась на два отряда—западный и восточный. Первому была поручена опись берега от устья р. Печоры до Канина Носа, второму—от устья р. Печоры до устья р. Оби. Описание производилось на карбасах, а зимой на оленях. Описание—поверхностное, совершенно устарелое, во многом не отвечающее действительности.

Этим описанием и ограничивается гидрографическое изучение Самоедского берега, за исключением разве некоторых случайных экспедиций в настоящем столетии в р. Пешу, в р. Индигу, в Югорский Шар.

Что касается всевозможных ученых экспедиций, работавших на материке Самоедского берега, в позднейшее время по тем или иным отраслям науки, то наиболее выдающимися являются экспедиции: Александра Шренка в 1837 году, М. А. Кастрена в зиму 1842—43 г. г., А. Кайзерлинга и П. Крузенштерна в 1843 г., Н. Ю. Зографа в 1877 г., А. Штукенберга в 1875 г., Ф. Н. Чернышева в 1890 г., А. Н. Якобий в 1890 г., Г. И. Танфильева в 1892 г., М. Е. Жданко в 1893 г., Б. М. Житкова в 1902 г., В. П. Амалицкого в 1903 г.

ЧЕШСКАЯ ГУБА.

Огромный залив Северного Ледовитого океана, замкнутый восточным Канинским берегом и Тиманским побережьем до Индигской губы, называется Чешской губой по имени впадающей в нее с Канинского полуострова реки Чеша. Чешская губа начинается от Миккулина мыса и Бармина мыса. Ширина между этими входными мысами достигает 65 верст. Конфигурация Чешской губы значительно разнится от очертания ее на морской карте Гидрограф. Управления. В гидрографическом отношении этот район совершенно не изучен. Единственная попытка его описания была произведена мореплавателем Пахтусовым и Бережных зимой оленях в 1824 г. Плавание здесь судов имеет пионерный характер, сопряжено с изучением и обследованием каждого шага пути.

Чешская губа достаточно глубока. Глубины идут ровно и падают постепенно от 30—20—12 саж. и менее.

Вдоль берега тянутся большие мелководные отмели (лещади), достигающие ширины от 2 до 5 верст. Во время отливов прибрежный район совершенно обсыхает. Мелей в самой губе нет. Прибрежные отмели увеличиваются с востока на запад. Прилив воды достигает до 15 фут, наибольший во время большеводий с морскими ветрами доходит до 22-х фут. К востоку от р. Пешы высота прилива постепенно падает. При О и NO ветрах в море господствуют густые туманы. Летом происходят нередко сильные рефракции. Южный берег сравнительно ровный и низкий, 3—7 сажень (глинисто-торфяной, местами отлогий несчаный. По канин-

ской стороне берег местами поднимается 10—15 саж. Из мысов Чешской губы наиболее значительными являются: Бармин, Лудоватый, Сувойный, Взглавный, Омский, Лудоватый, Микулкин. От Микулкина мыса поднимается Канинский хребет («камень») и уходит до Канина Носа, мысом Бармин обрывается в море Тиманский хребет («камень»).

Остров в Чешской губе—один остров Чайчий, около Мыса Микулкина, но настолько незначительный, что его следует принять, вернее, за большой камень («луду»). Грунт в Чешской губе главным образом песок, мелкий камень, местами зеленый ил, встречаются морские заросли.

В западной части губы, от Микулкина Мыса, встречается крупный камень и подводные рифы. Против Микулкина мыса подводные корги имеются в 2—3 милях от берега.

Заливов сколько нибудь значительных в Чешской губе нет. Губа открыта от N-вых ветров, разводящих в ней большое крутое волнение. В зимнее время Чешская губа не замерзает и, приблизительно, с декабря месяца начинает наполняться плавающими льдами местного образования. Замерзает лишь прибрежная полоса, образуя береговой припай от 10 и более верст, который постоянно выламывает морскими ветрами. Обилие рек, впадающих в Чешскую губу, несомненно, способствует значительному опреснению ее воды, благодаря чему, быстро образуется прибрежный лед «припай», в ноябре месяце. Раннему и скорому образованию льда сильно способствует обильное выпадение снега в самом начале зимы, а вместе с тем, внезапные морозы, благодаря чему, образуется т. н. «ледяная каша». Лед раньше образуется в западной части Чешской губы. Вообще лед Чешской губы довольно мелкий, без больших ледяных полей, но много торосов. На прибрежных отмелях лед сильно торосит. Разность в высоте морских приливов от большеводья до маловодья имеет значение для образования льдов—торосов, достигающих обычно от 1 до 3 саж., очень прочных, состоящих из т. н. «наливного льда», характерного вообще для канинских отмелей.

В январе м-це Чешская губа при N-вых ветрах начинает заполняться наносными льдами.

Весной льды держатся обычно до половины июня месяца, в зависимости от господствующих ветров, но нередко и дольше. В 1912 г., который был исключительно ледяным годом на Севере, льды держались в Чешской губе до конца июля.

Реки Чешской губы вытекают из Канинской и Тиманской тундр. Большинство рек незначительны, от 10 до 30 верст протяжения, в редких случаях, до 50—70 верст (Волонга, Омица, Прищатиница). Самыми значительными реками являются: Ви́жас, Ома, Пеша, достигающие протяжением 200—300 верст, р. Снопа—100 в. Начиная от р. Индиги до Канинского полуострова, реки идут в следующем порядке:

Лямца, Халверская, Гольцовка, Бугровка, Васькина, Черная, Шубная, Великая, Песчанка, Каменная, Крестовка, Сувойная, Волонга, Безузная, Прищатенок, Прищатиница, Пешница, Пеша, Сухие речки, Грабежная, Снопица, Снопа, Омица, Ома, Воровки, Ви́жас.

Устья всех рек, за исключением Ви́жаса, Омы и Пешы, очень мелководны, от 2 до 4 фут, а большинство совсем пересыхают. В устьях расположены обширные обсушенные мели («лопатки»). Течение рек быстрее. Некоторые реки имеют в среднем и верхнем течении пороги. Морской прилив воды поднимается на 30—40 верст. Замерзают реки обычно в половине октября, вскрываются в половине мая.

Самая большая и центральная река р. Пеша имеет глубину на малую воду 12—14—18 фут от своего устья до с. Нижняя Пеша. Далее глубины резко падают от 6—4 и менее фут.

Прилив морской воды поднимается по р. Пеше на 45 в. Грунт песок и ил («няша»). Берега р. Пеши низкие, торфяные и песчаные, местами обильно покрыты ивняком и лугами. Широко раскинулись травянистые прибрежные отмели («лайды»), а также узкой полосой вытянулись высокие песчаные косогоры («щелби»), незначительные по своему протяжению, покрытые мелким хвойным лесом. Правый берег р. Пеши на значительном расстоянии низменный и уходит в море совершенно отмелым берегом, где расположено «Белужье етановище», состоящее из трех промысловых изб и часовни.

Левый берег р. Пеши, значительно возвышенный, обрывается в море далеко выдавшимся мысом Большим Взглавным. От берегов тянутся в море значительные песчаные мели, обсыхающие при отливе на 3—5 верст от берега. Бар р. Пеши мелководный: перекаты достигают 7—8 фут глубины на малую воду, стреж узкий, что делает заход судов в реку во время штормов опасным. Но, минуя эти перекаты, глубина сразу переходит в 14—18 фут на малую воду. Течение р. Пеши весьма быстрое, до 3 узлов в час. Местами около носов в поворотах реки образуются сильные водовороты («улово»). Вода в реке необычайно грязная, мутная. Соленость воды замечается в реке на 20 верст от устья. Река невероятно извивается и образует большие изгибы, до 10 верст, в то время как по прямой расстояние не превышает всего каких либо 1—2 верст. Ширина реки в устье около 1 версты, а далее до с. Н. Пеша от половины до четверти вер. В реке, верстах в 25 от устья, имеются острова—Крайние, Дебяжи, и пр. Из притоков наиболее значительны: Гусинец, вытекающий с правой стороны из тундры, протяжением около 60 верст, Егорова речка, Захарьина, Безмошица. Р. Пеша своими истоками тесно соприкасается через систему Варшинских озер (Бормат, Варша) посредством небольшого волока, верст 10, с притоком р. Мезени Пезой. В верховье р. Пеши имеются пороги.

Река Ома во всем сходна с р. Пешей; также же приблизительно глубины в реке и в устье, большие обсыхающие мели, значительные изгибы реки и т. д.

По берегам р. р. Пеши, Омы, Вижаса почти от самого устья тянется небольшими островками лес и, поднимаясь вверх по рекам, постепенно увеличивается количественно и улучшается качественно.

По р. Пеше экземпляры ели и березы спускаются до самого моря. От с. Н. Пеша вверх по реке еловый лес тянется по берегу непрерывными островками, а от с. Верхней Пеши идет сплошной полосой до половины версты шириной. По самому берегу идут большие сосновые бора с деревьями 5—6 вершков толщиной и до 5—7 саж. вышиной, в глубь же идет больше ель до 4 верш. в диаметре. От с. Терентьевского идет уже настоящий строевой лес.

Леса по р. Оме имеют такой же характер как и по р. Пеше. По р. Вижасе леса идут более широкой полосой: ель преобладает 5—6 вершк. в диаметре при 4—5 саж. вышины.

Леса по этим рекам значительно уже изрежены рубками на хозяйственные цели и составляют исключительно колонизационный фонд всего края. Никакой и речи быть не может о какой-либо промышленной разработке леса, наоборот, необходимо воспретить всякую случайную и безсистемную рубку леса.

В геологическом отношении край мало исследован. Из ископаемых в большом количестве встречается охра, точильный камень, белая глина. По р. Волонге имеются соляные ключи.

Побережье Чешской губы примыкает к Тиманской и Канинской тундрам. Границей этих тундр принято считать р. Грабежную. Админи-

отрагивные границы тундр были установлены в 1835 г. Канинская тундра занимает весь Канинский полуостров, простирается на юг до р. Пезы и граничит с Тиманской по р. Грабежной. Далее тянется до левого берега р. Печоры Тиманская тундра и граничит на юге по р. Пезой и р. Цыльмой (приток р. Печоры).

Тиманская тундра представляет частью ровную, частью холмистую равнину с наклоном к северу. В средней, отчасти, в восточной части тундра прорезывается горными хребтами: Косминским, Тиманским и Чайцыным. Тиманский хребет является центральным горным хребтом Тиманской тундры. Он начинается еще в Вологодской губ. в верховьях р. Вычегды и тянется между левым берегом р. Печоры и верховьями р. Выми, пересекая р. р. Печорскую Пижму и Цыльму и выходит к Ледовитому океану мысом Бармин. Тиманский хребет образует параллельную ветвь под именем Чайцына камня.

На Канинском полуострове и побережье Чешской губы господствует, главным образом, тундра, торфяно-бугристая. Поверхность тундры состоит здесь из крупных, шириной до 10—15 саж. и вышиной 2 саж., плотных торфяных бугров. Бугры эти отделены друг от друга озеровидными впадинами, занятыми моховыми болотами («ерсеями») и трясинами.

Ширина Тиманской тундры по западной стороне более 120 верст, по восточной около 400 в., по южной части до 400 в., северной 600 верст.

Тиманская тундра изобилует озерами которые часто достигают значительных размеров: Варшинские, Хайминские, Косминские, Сульские, Грабежные, Безмошица, Прищатенок, Травянка, Безузинское и т. д. Озера Тиманской тундры совершенно не изучены, многие не имеют никакого названия. Общее количество озер исчисляется тысячами. Количество озер увеличивается при отступлении от морского побережья вглубь тундры.

Климат края нельзя назвать особенно суровым. Наибольшее количество холодных дней падает на январь и февраль. Глубина снежного покрова в местах, защищенных от ветра, достигает до 2—2 с полов. аршин. Летом также выпадают обильные атмосферные осадки. Наибольшее количество жарких дней приходится на июль. В летнее время очень резки колебания воздуха от жары к холоду, который приносит северный ветер. Вообще же данные по климатологии этого края незначительны и имеют случайный характер. Единственная маленькая метеорологическая станция имеется в с. Верхней Пеше, открытая в 1912 г.

Район, прилегающий к Чешской губе, называется «Поречье». Все селения расположены по берегам рек, но вдали от устьев. Большинство селений возникло на месте бывших старообрядческих скитов. Еще во времена Никонианских гонений на старообрядчество бежали в эти неведомые дебри Севера и селились раскольники. В 1767 году около 70 старообрядцев поселились даже на о. Колгуеве, но через несколько месяцев все они погибли от пытки. В далекие времена, по преданиям ветхой старины, в этом крае обитала чужь, о которой до сих пор сохранилось на Севере много различных повествований, былин. До сих пор по некоторым рекам: Пеше, Гусинцу, Оме, Вижаку имеются остатки всевозможных древних земляных сооружений, разбросанные иногда целыми городищами.

Самоедские старинные сказания и песни часто повествуют о каких-то «одноглазых» воинственных богатырях, с которыми приходилось вести в тундрах усиленную борьбу.

ВЕРХНЯЯ ПЕША. Средняя месячная температура по данным Центральной станции
Гидро-метеорологической службы Северного Ледовитого океана.

М Е С Я Ц Ы.	1913 г.	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	Средняя.
Январь	—	—25,8	—	—16,0	—20,4	—21,6	—17,8	—17,9	—	—19,9
Февраль	—	—14,3	—	—8,7	—25,4	—16,1	—21,9	—11,8	—12,9	—15,9
Март	—	—11,0	—	—10,6	—17,7	—13,8	—13,6	—3,3	—7,6	—11,1
Апрель	—	—7,6	—1,3	—5,0	—3,1	—1,0	—3,5	—0,2	+1,1	—2,6
Май	+1,5	+2,0	+4,0	—1,5	—0,7	—4,6	—0,7	+8,7	+6,5	+1,7
Июнь	+7,0	+11,5	+9,9	+10,1	+8,8	+10,2	+13,6	+14,0	+16,3	+11,3
Июль	+15,6	+9,6	+17,3	+14,7	+12,2	+11,2	+13,3	+13,6	+11,6	+13,2
Август	+12,6	+13,7	+11,6	+7,5	+9,5	+5,4	+13,9	+14,2	+12,2	+11,2
Сентябрь	+5,6	+6,2	+4,7	+4,0	+6,7	+6,6	+7,9	+9,1	+6,1	+6,8
Октябрь	—5,0	—0,4	—1,3	—2,7	—1,7	—0,3	+0,2	—5,1	—3,1	—1,8
Ноябрь	—	—7,8	—12,6	—4,5	—11,7	—5,1	—10,2	—3,3	—6,7	—7,7
Декабрь	—9,9	—7,4	—22,8	—11,8	—9,5	—12,5	—5,4	—11,4	—13,9	—11,6
Средняя	—	—2,6	—	—2,0	—4,1	—3,5	—2,0	+0,5	—	+2,2

За последние десятилетия край этот начал сравнительно быстро заселяться, главным образом, выходцами из Мезенского уезда, отчасти зырянами, и в очень незначительной степени обрусевшими оседлыми самоедами Канинской и Тиманской тундр.

Возможность широкого развития скотоводства, наличие строительных материалов, богатые рыбные и звериные промыслы создали большую популярность этого края среди северного населения, привлекаемого безграничным простором для своей новой хозяйственной жизни. Число ходоков, с целью подыскания удобных мест для поселения за последние довоенные годы значительно возросло. Здесь оседали также часто и промышленники, приходившие на сезон зимнего наважьего промысла.

НАЗВАНИЕ РЕК.	Название селений.	Число дворов.	От устья вверх рекой.
Вырей (приток Индига)	—	2	5
Индига	—	1	25
Индига	—	1	60
Волонга	Волонга	2	8
Прищатиница	Прищатиница	2	7
Пешица	Пешица	1	2
Гусинец (нижн. приток Пеши)	—	1	7
Гусинец	—	2	13
Пеша	Нижняя Пеша	27	40
Пеша	Таратинский	8	57
Пеша	Верхняя Пеша	28	84
Пеша	Терентьевский	8	124
Пнопа	Снопа	3	20
Ома	Нижняя Ома	11	20
Ома	Чупово	10	47
Ома	Савино	12	57
Ома	Тарасовский	2	63
Ви жас	Прорывский	2	95
Ви жас	Суханинский	4	80
Ви жас	Архиповский	7	110
Ви жас	Григорьевский	2	140
Всего — 22		133	

Поселки или выселки часто в один-два двора разбросаны по всему краю и сравнительно быстро растут. Местное население постепенно само колонизирует более отдаленные районы. Из селений выделяются хо-

зийства и направляются на берега других рек, преимущественно на восток.

Но колонизационная емкость Чешского района в общем не велика, при том исключительно местного (северного) значения. Размещение в крае нескольких десятков тысяч человек вполне уже определяет эту емкость района, главным образом, конечно, в отношении сельско-хозяйственной колонизации края. В отношении заселения этот край имеет несравненное преимущество перед Мурманом и островами Ледовитого океана.

Население зажиточное, в сравнении с другими районами, богатое. Постройки обширны и хозяйственные. Многие дома в наиболее значительных селениях выкрашены краской, большинство из них двух-этажные. В первом этаже располагаются разные хозяйственные службы, во втором жилые помещения. Дом дополняется «поветями» для сена и различного хозяйственного инвентаря. Под поветями держится скот.

Население малокультурно. Православность стоит весьма невысоко. Сильно развиты суеверия самого грубого и нелепого содержания. Медицинской помощи нет никакой, ни одного даже фельдшерского пункта во всем районе. Полная беспомощность населения способствовала широкому развитию знахарства и всевозможного колдовства, связанных нередко с употреблением всевозможных «лечебных» средств самого вредного свойства. Всевозможные эпидемии—оспы, сыпного тифа, часто уносят много людей. Особенно много погибает детей. Сильно распространены в населении венерические болезни, экзема, чесотка, а также остропростудные заболевания. Цынга не встречается. Среди женщин встречается «икота» особая форма истерии, столь известная на Севере, особенно в Мезенском и Печорском уездах. Женщины выполняют здесь всю мужскую работу и нередко сами ведут полное хозяйство. Не редкость встретить здесь женщин, которые носят весь мужской костюм, курят, пьют водку, ругаются самой отвратительной бранью.

Главное занятие населения—скотоводство. На каждый двор, в среднем, приходится до 6—8 голов рогатого скота, но нередко на одно хозяйство приходится 15 голов рогатого скота, лошадей держат 2—4, овец 20—50 голов. Многие хозяйства имеют от 50 до 200 оленей. Скот местной породы и довольно мелкий. Вес мяса убитой коровы от 8 до 11 пудов, овцы от 30 ф. до 1 п. 20 ф. Удой коров ничтожный—половина ведра и менее в сутки. Уход за скотом самый нерациональный. Зимой даже в самые сильные морозы скот выгоняют для питья на проруби, не поят ничем теплым. Лошади мелкие, но крепкие и выносливые.

Молочные продукты, в виде творога и гретого масла, сбываются, главным образом, самоедам, большим любителям этих продуктов, в обмен на пушные товары. Гретое масло вывозится также в Мезень и Архангельск и пользуется заслуженной славой.

О сепараторах и более лучших способах использования молока население не имеет представления.

Лугами особенно богаты побережья р. Омы и р. Пешы. Травы используются далеко не в достаточной степени. Покос («страда») начинается с половины июля и продолжается часто до осени. Сбор сена с десятины от 120 до 200 и более пудов. Опыты посева клевера дали хорошие результаты. «Роскошные, поросшие пышной растительностью, цоймы, или «наволоки» представляют характерную особенность рек Тиманской тундры»—пишет проф. Г. И. Танфильев («Пределы лесов полярной России»). Виденные мною луга по Пеше, Суле, Печоре и Индиге можно сравнить только разве с лучшими посевными лугами более

южных широт. Трава до того густая, что производит впечатление засеянного поля. Между тем, лишь ничтожная часть этих лугов утилизируется человеком, большая же часть ежегодно вырастающей на них травы так и сгнивает на месте».

Обработка земли производится в крае главным образом машинами. Очень многие домохозяева имеют сенокосилки и механические грабли. Но наряду с этим в большом ходу и специфическая северная коса «горбуша» (форма серпа в 1—1 с полов. арш. длины).

Хлебопашество развито в незначительных размерах, да и то больше за последние годы. Отдельные посевы не превышают полов. десятины. Сеется преимущественно ячмень и вполне вызревает. Урожай хороший, только в исключительно холодные годы на Севере хлеб побивают холода.

В меньшей степени сеется рожь и в незначительной в виде случайных опытов, пшеница (В. Пеша). Производятся также опыты посева конопли. Вообще в отношении агрономии здесь полная беспомощность и при современных условиях на хлебопашество, как на значительную отрасль хозяйства, рассчитывать нельзя.

В 1922 г. хлеба значительно пострадали от засухи.

Огородничество дает прекрасные результаты. Хорошо родятся картофель, репа, брюква, морковь, редька, хрен, редиска. Посадка капусты (В. Пеша) давала хорошие результаты. За последние годы сеяли с успехом махорку.

Промысел на птицу и пушного зверя развит в больших размерах и составляет значительную статью побочных доходов для населения.

Из лесной птицы в крае держится в лесах тетерев, глухарь, рябчик, в тундре—куропатка, которая и составляет главный промысел. Куропатка держится зимой огромными стадами. Добывается куропатка преимущественно силками. Добыча ее на один двор нередко составляет 1000—2000 пар. Всего добывается не менее 100.000 пар. Отправляется птица на рынки сбыта возами на лошадях и оленях на г. Мезень. Сбыт куропатки организован плохо, а в весенние месяцы—март, апрель, вследствие бездорожья и невозможности хранения птицы, и совсем нет сбыта. Промыслу куропатки сильно вредят волки и лисы, которые обходят силы и поедают промысел, благодаря чему, приходится часто осматривать даже охранять силы.

Из водоплавающей птицы край очень богат в летнее время по рекам и озерам утками и гусями, а в море турпанами. Бывают и лебеди. Бьют птицу из ружья. Из непромысловых птиц имеются: полярные совы, орлы («каныки»), чайки, гагары, морские петушки («кипики»), кривки, пулонцы, журавли и пр.

Из пушных зверей в крае водятся: лисица (очень редко черная), белый песец (редко голубой), горностаи, белка, куница, заяц, волк, росомаха, бурый медведь, выдра.

В хорошие промысловые годы отдельный промышленник добывает от 20 до 40 зверей, преимущественно лисиц и песцов. Зверь ловится кулемами (деревянные ловушки, давящие зверя), капканами, бьется из ружья, отравляется стрихнином. Значительно развит промысел из «караулок», т. е. всевозможных искусственных укрытий, перед которыми бросается какая-либо приманка («привада») — труп домашнего животного или туша («раушка») морского зверя. Случается, за одну ночь промышленник убьет из «караулки» до 10 зверей.

Куницу добывают при помощи сеток и загоня в дупло дерева. Волков больше отравляют стрихнином.

Пушнина сбывается случайным скупщикам на местах, а также в Мезени, Пинеге, Архангельске.

Ежегодное появление зверя имеет большое колебание, в некоторые годы зверя бывает очень мало.

По объяснениям промышленников, зверь уходит куда то на восток. Каждый третий или четвертый год считается «промысловым». Главным признаком хорошего промыслового года признается обильное появление «песцовки» («тундряной мыши»), за который идет песец. Но обилием «песцовки» сытый зверь опять таки плохо идет на приманку в ловушки.

Промысел на пушного зверя не регулируется никакими нормами. Промышленники часто копают норы и бьют щенков лисиц и крестоватика.

Особенно губительно сказывается на промысле пушного зверя бессмысленное и невероятно обширное истребление в тундрах в летнее время молодых песцов (крестоватиков). Редкий самод не убьет за лето 100—200 крестоватиков, а некоторые виртуозы убивают до 500 зверей и более. Поразительное падение и сокращение песцового промысла на о. Колгуеве объясняется исключительно повальным истреблением крестоватиков. Среди крестоватиков нередко попадаются щенки голубого песца.

Ежегодно в тундрах истребляется не менее 15—20,000 крестоватиков. Это обстоятельство грозит скоро полным падением на Севере промысла песцов.

Рыбные и морские звериные промыслы Чешского района значительны.

Все реки в промысловом отношении имеют большое значение, главным образом, в зимнее время. В реках имеется рыба: ерш, окунь, сиг, камбала, корюх, навага, сайка, налим, щука, кумжа, голец, нельма, язь, семга, омуль. Особенное и даже исключительное значение по всему краю имеет зимний промысел наваги. Навага распространяется по всему Самодскому берегу, Белому морю и даже в менее значительном количестве по Мурману до становища Восточная Лица.

Навага держится до половины января. Но после этого подходы ее бывают и значительно позже, почти до марта месяца, когда она неожиданно снова «наваливает» в реки, но в это время промысла ее уже не бывает. В январе, к окончанию промысла, навага бывает тощая («голодная»). В ничтожном количестве навага держится в реках круглый год. Промышляют навагу исключительно рюжами. Промысел ее на уду (леса с 5—6 концами—«ремками» без всякого крючка) отошел в область предания, в исключительном случае «удят» бедняки.

Навага отличается поразительной прожорливостью и жадно хватается лоскуток лесы, за навагу хватается часто другая, третья и т. д.

Длина рюжи от 5 ф. до 10 саж., диаметр 2 с полов. арш., боковые крылья 10—15 саж. В рюжу часто сразу набивается до 50 и более пудов рыбы. Ставится рюжа в проруби (в «иордани») в реке.

В устьях р. р. Вижага, Омы, Снопы, Прищатины, Волонги и др. имеются промысловые избы, куда собираются на сезон промысла не только местные, но и пришлые промышленники, преимущественно из Мезенского уезда.

Район промысла наваги и прохода ее массами вверх по реке обычно ограничивается 10—20 верстами от устья. В р. Пеше промысел наваги сосредоточен под Егоровым ручьем, в 10 в. и под Черным, в 15 верстах от устья.

Добывается крупная и средняя навага, мелкая бросается тут же на месте промысла без всякого употребления, часто в весьма значительных количествах.

Вес наваги, обычно, 2—3 рыбы в фунте, но нередко и в 1 фунт весом. Общее количество добываемой наваги в довоенные годы в Чеш-

своей губе достигало 50.000 пудов. Выловленная навага отправляется на лошадах и на оленях на Мезень через с. Несь.

Характерной особенностью промысла наваги в Чешской губе является то обстоятельство, что промысел этот может увеличиться во много раз, но при условии обеспеченности сбыта рыбы. Однако, нельзя не заметить, что здесь, как вообще на всем Севере, увеличивающийся лов наваги и наибольшая его интенсивность находится в тесной связи с измельчением рыбы. Процесс этот происходит сравнительно быстро. В некоторых реках этого района, в которых нет еще промысла наваги, последняя достигает в подавляющем большинстве 1 ф. и более веса отдельный экземпляр, как это, например, наблюдается в реках Восточного Канина, в то время, как в реках Западного Канина, где сосредоточен большой промысел наваги, рыба значительно мельче.

Сравнительно мелкая ячея сетей, а главным образом, лов рыбы в самый нерест, постепенно делают свое губительное дело. Часто, при извлечении из воды рюжи последняя бывает сплошь покрыта икрой, которую обычно тут же стряхивают на лед. Промысел наваги в Чешской губе начал развиваться всего лишь 30 лет, когда установилась непосредственная заинтересованность промышленников в сбыте наваги, которая привлекла внимание иногородних фирм. Был произведен даже первый опыт посылки небольшого грузового парохода в устье р. Пеши к ледоставу для доставки наваги в Архангельск. Население нередко солит навагу для своего продовольствия летом.

Вместе с навагой в реки заходит весьма схожая с ней рыба сайка и решительно забивает рюжи. Иногда наплыв сайки бывает так велик что приходится временно извлекать из воды рюжи, чтобы выждать время, когда пройдут главные массы сайки. Сайка «наваливает» в реки годами и преобладает над навагой, годами же наоборот. Сайка любимое кушанье морского зверя, который идет за ней в устья рек. Подмечено на Севере явление, что в годы наплыва сайки бывает больше морского зверя «в берегу».

Сайка выбрасывается без всякого употребления. Макса сайки отличается большой жирностью и употребляется иногда промышленниками вместо масла. В довоенные годы был произведен опыт доставки сайки вместе с навагой в Москву и увенчался большим успехом.

Промысел корюха ограничивается ловом только для своего продовольствия вследствие полного отсутствия сбыта. Корюх идет в реки массами после очищения их ото льда. Корюх крупный и попадает в больших количествах, до 50—100 пудов в замет невода. Сушение корюха не развито.

Промысел семги в реках Чешской губы имеет ничтожные размеры, т. к. запасы семги здесь весьма ограничены и не могут иметь никакого сравнения с такими районами, как реки Терского или Зимнего берегов. Мутные, грязные воды рек Чешской губы не привлекают эту рыбу в достаточных количествах. В большем количестве семга заходит в р. Волонт но и здесь промысел ее не превышает 100—200 пудов в лето.

Заходы гольца в реки также не имеют массового характера. Осенью ловится на крючки кумжа, но не в большом количестве. Да и в отношении всех остальных рыб, добываемых в летнее время, можно сказать это же самое.

Ловится рыба в небольших количествах для своего потребления. В озерах ловятся: щука, хариус, окунь, пелядь, налим, сиги, карась и пр.

Что касается тресковых пород в Чешской губе, то опыты лова их никакого успеха не имели.

В довоенные годы были произведены неоднократные опыты траллового лова рыбы, но совершенно безрезультатно.

Сельдь распространяется по всему Чешскому побережью, особенно от р. Пешы к западу до Мыса. Сельдь появляется обычно после очищения губы ото льдов и называется «заледная» а также летом—в июне—июле месяце «загревная». Сельдь заходит в устья рек. Трудно сказать, насколько регулярны эти подходы сельди в виду отсутствия здесь промысла сельди и вообще каких-либо постоянных наблюдений. Но появляется сельдь в течение всей навигации, мечет икру около берегов в больших количествах, судя по выбрасываемой волнами на берег икре, а также часто и самой сельди. Сельдь распространяется до о. Колгуева и далее на восток. По своему внешнему виду и размерам сельдь не отличается от мурманской селедки, но весьма высокого качества.

Кроме сельди, появляется иногда в Чешской губе песчанка и мойва («мойла»).

Из морских зверей в Чешской губе держатся: белуха, морской заяц нерпа, гренландский тюлень. Промысел белухи носит случайный характер, а равно и ее заходы в устья рек. В Чешской губе нет массового скопления белухи. Держится белуха здесь, как и вообще в северных водах, круглый год, но обычно подходит к берегам в том или ином количестве в конце июня—в июле месяце. Белуха часто появляется около берегов со своими детенышами («кавашами»), которых носит на спине. Длина белухи 2—3 саж., общий вес зверя от 60 до 100 пудов, но некоторые экземпляры нередко достигают до 120—150 пудов. С каждой белухи снимается сала 15—25 пуд., в редких случаях 30—40 пудов. Сало белухи отличается большей нежностью, нежели сало тюленя, и перегревается на ворвань. Шкура очень прочная, толстая, идет на разные поделки, ремни, гужи, подметки и т. д.

Промысел белухи в Чешской губе сосредоточен пока, главным образом, в устье р. Пешы, в т. н. «Белужьем становище». В прежнее время промысел белухи был еще в устье р. Омы.

В становище Белужье собираются на сезон промысла белухи промышленники из селений по р. Пеше, в первой половине лета («сидят на белухе»). Промышляют белуху особыми неводами из крепкой 12—15 прядной веревки (стоянки). Длина невода достигает до 400 саж., глубина 3 саж., ячей 10 верш. Белуха заходит в реки обычно с морским приливом и обметывается неводами с лодок и карбасов во время обратного хода из реки с отливом воды. В промысле белухи участвует артель в 6—8 лодок и более, на каждой по 3—4 человека, в зависимости от величины снасти. Во время захода невода промышленники избегают всякого шума, т. к. белуха отличается необычайной чуткостью, действуют особыми условными сигналами, флагом на высоком флагштоке, водруженном над одной промысловой избой.

Обметавши белуху, невод притоняют особыми воротами к берегу. Наружную стенку невода окружают на лодках с шумом криком, чтобы не дать возможности пугливому зверю прорваться из невода, особенно, когда обметано сразу много зверей. Картина эта продолжается до того времени, пока отливное течение не обсушит на берегу зверей, которых затем бьют пешнями. В иные годы добывают в один заход сразу до 150 зверей, а в некоторые годы ни одного, как это было например в 1922 году.

Кроме белухи, в реки Чешской губы заходит морской заяц и нерпа. Держатся они круглый год, но в больших количествах заходят, главным образом, осенью, с наступлением темного времени. Бьют их из винтовок или добывают в сети. Длина каждой сети 20—30 саж., глубина 3—4 саж., ячей 5—6 вершк. Выставляется обычно 3—4 сетки («ряда»). Общее количество добываемых во всем районе нерп и зайцев достигает не более 1000 шт. В зимнее время, приблизительно с января месяца, в Чешскую

губу приходит гренландский тюлень («кожа») и распространяется по всему району, на пловучих льдах тюлень ценится.

Успешность промысла на него находится в зависимости от ветров а, следовательно, и состояния льдов. Материковые ветра отжимают зверя, морские нажимают к берегу.

Промысел существует стрелебный с лодок («выволочный») среди льдов и редко сетной—около льдов в прибрежной полосе. Промышленники часто добывают самок тюленя («утельг») до периода их щенки и выпарывают из их детенышей («бельков»), шкурка которых отличается своей нежностью и идет на разные поделки для шитья. Общий промысел тюленя не превышает 2000 зверей в хороший промысловый год. Сосредоточение тюленя около берегов Чешской губы не имеет такого массового характера, как в районе горла Белого моря.

Весь этот обширный район, начиная от Мезени и до р. Печоры, лишен всяких путей сообщения. Грунтовых летних путей здесь совсем нет. В летнее время в единичных случаях ходят пешеходы по тундровой сырой тропе через р. Вижас на с. Несь и далее следуют в г. Мезень на карбасах. Сообщение между селениями производится на карбасах морем. Почти все реки судоходны в нижнем и среднем своем течении. Зимний путь по замерзанию болот и озер следует из с. В. Пеша, через Ому, Снопку, Вижас, на с. Несь. О благоустройстве пути не приходится и говорить: перегоны между селениями 40—50 вер. путевых изб нет, местность открытая. Протяжение пути 265 верст. От Пешы до Индиги и далее в Пустозерск следует олений зимний путь. Морское сообщение этого края с Архангельском носит пока случайный характер и начало развиваться только с 1912 года.

ТИМАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

Восточный берег Ледовитого океана, от Канинского полуострова до Югорского Шара, представляет полную противоположность западному, т. е. Мурманскому берегу от Норвегии до Святого Носа.

Береговая линия развита слабо, заливов мало. Берег песчаного или глинисто-торфяного сложения, сравнительно ровный и низкий, от 2 до 7 сажен. Океанские прибрежные глубины также резко падают на восток от Канина. Океанское постоянное течение, захватывая о. Колгуев, направляется на восток, вдоль Тиманского побережья. По всему берегу выброшены морем норвежские стеклянные шары—поплавки («кухтеля»).

Из островов около Тиманского побережья расположены: остров Колгуев (общая площадь около 3.070 кв. верст) и о. Сенгейский (протяжение около 25 верст, шириной до 6 в.). Остров Сенгейский отделяется от берега неширокой, мелководной сальмой (проливом): Западный выход из пролива очень мелкий, восточный 6—8 фут глубиной на малую воду, через который нередко заходят для укрытия от штормов мелкие суда, идущие с Печоры на о. Колгуев. Заливов мало: губа Горносталя и губа Колоколкина, глубоко врезающаяся в материк приблизительно, верст на 100, и губа Песчанка.

Реки идут в следующем порядке: Индига, Горносталя, Шумкова, Ярыжная Малая, Ярыжная Большая, Вельт, Еренная, Черная, Пятничиха, Верхнешарская, Хвинсова, Сенгяга, Коровья, Нижнешарская, Колоколкина, Песчанка.

Реки мелководны, многие представляют почти ручьи. Прилив от 5 до 3 фут, постепенно спадает к востоку.

Реки богаты рыбой: камбала, сиг, навага, корюх и т. д., в большом количестве заходит омуль и голец, количество последних увеличивается при направлении к Югорскому Шару. Заходит также сельдь. В некоторые реки заходит в большом количестве нельма. Во всем этом районе, от о. Колгуева и берегов Новой Земли и Вайгача в довоенные годы частными предпринимателями—пионерами многократно производились опыты траллового лова рыбы и нередко давали хорошие уловы трески.

Морской зверь распространяется по всему побережью. От о. Колгуева начинается морж, а также в незначительном количестве белый медведь. Осенью в большом количестве бывает нерпа и морской заяц; белуха держится круглый год.

В устьях некоторых рек имеются промысловые избы. Постоянных селений или выселков, начиная от р. Индиги до устья р. Печоры, совершенно нет. На промысел рыбы (преимущественно омуля) в небольшом количестве приходят промышленники из селений по низовьям Печоры, а также занимаются промыслом рыбы и зверя кочующие по побережью самоеды. Озер в районе очень много, и некоторые достигают больших размеров: Индижские, Урдюжское, Анутейское, Тайвото и т. д.

Самая значительная река Самоедского берега—Индига впадает в Индигскую губу между Барминым Мысом и Святым Носом. При входе в губу расположен маленький скалистый островок Тиманец. Индигская губа мелководна. Глубина фарватера, ведущего от о. Тиманец в реку Индигу, падает местами до 10 фут на малую воду. Губа открыта от штормовых ветров, от W до NO.

Картина состояния льдов та же, что и в Чешской губе. Лед сильно торосит на мелях. Прилив воды 5—8 фут.

Индига за исключением небольшого пространства в устье весьма мелководна. Своими истоками она близко сходится с притоком р. Печоры р. Соймой, но в своем среднем и верхнем течении настолько мелководна, что затруднительно и невозможно движение лодок.

Морское плавание во всем этом районе затруднительно, требует исключительной осторожности: близость обширных и опасных Колгуевских кошек, открытость от всех штормовых ветров, полное отсутствие гаваней во всем районе, начиная от берегов Мурмана, для укрытия судов от штормов или от каких-либо аварий, сильные течения и туманы, задержка льдов в весеннее время, особенно в Канинско-Колгуевском районе, раннее их появление осенью, опасность плаванья во льдах, вследствие близости банок.

На р. Индиге кончаются последние русские поселки, раскиданные в 3-х местах и состоящие всего из 4 семейств.

По всему району разбросаны по одному или по несколько самоедские чумы. Беднота самоедская, малооленная, принужденная искать себе средства к жизни промыслами рыбы и зверя,—жметесь ближе к берегу Ледовитого океана, к устьям Тиманских рек. Владельцы крупных стад оленей стоят со своими стадами вглуби тундры, больше «на камне» (в Тиманском хребте).

САМОЕДЫ.

Принято с какой то горечью говорить о необходимости спасения от истребления редких пород зверей: бобров и котиков в Тихом океане, зубров в Беловежской пуще, чернобурей лисицы и крестоватиков в нашей северной тундре, устанавливать разные мероприятия для ограждения их от окончательного уничтожения, но без внимания оставлять вопрос об угасающих племенах инородцев Севера—самоедов, лопарей.

Ходячая фраза о «вымирании» инородцев настолько завоевала право гражданства, что принято безнадежно смотреть на этот вопрос. Но если инородцы, в частности, самоеды и погибают, то исключительно благодаря ненормальных экономических условий их жизни. Наконец, это «вымирание» самоедов—процесс не дней, не годов, чтобы безнадежно смотреть на «вымирание» самоедов. В тундре самоеды доживают до глубокой старости: люди в 80—90 лет—обычное явление. За последнее время самоеды в значительной степени ассимилируются, сливаются с русским или зырянским населением, а также, хотя и очень медленно, переходят к оседлой жизни. Эти самоедские выходцы обычно являются очень трудолюбивыми предприимчивыми, ведут свое хозяйство часто значительно лучше русского населения.

Самоеды пока главный элемент, обслуживающий тысяча—верстные пространства тундры, с ее исключительными специфическими условиями.

Разложение жизни тундры, т. н. самоедское «вырождение» началось с того момента, когда одновременно с торговыми операциями в тундру проникли потоки водки, венерические болезни, обман, жестокая эксплуатация человека человеком.

Дикарю, сыну природы, усиленно навязывают то, что всего меньше отвечает практическим запросам его специфической промысловой жизни. И все это только для того, чтобы как можно легче вырвать промысел самоеда, продукты его оленеводства.

И пила безпробудно вино тундра, в пьяной и дикой оргии днями, неделями, пропивали сразу все вплоть до заклада жен, дочерей. Пили все от мала до велика,—дети, взрослые, старики, женщины.

Сперва даровое угощение и разные грошевые подарки, затем в угаре опьянения подсчеты долгов, наличного товара, задатка.

И сколько бы самоед ни добыл зверя самого ценного, сколько бы ни сдал оленьих товаров,—все равно, он всегда остается из года в года, всю жизнь должник.

В мирное время самоед в большинстве случаев получал товары не дешевле, как: сахар по от 50 к. до 1 р. фунт, порох 2—3 руб. фунт, соль, 1 р.—1р. 50 к. пуд, берданка (стоившая 3 р. 75 к.)—100 руб. и так без конца. Промысел же самоеда ценился грошами. А в минуты бедствия—падежа оленей или плохого промысла,—самоеда ждет невероятная нищета: дырявый чум из бересты, где либо на краю русской деревни, ждет подавание и голодная собачья смерть!

Каждый честный ученый, работавший в тундрах Севера, среди самоедов, или даже простой путешественник, все с горечью описывают тяжелую долю и жизнь самоеда, атмосферу попираания самых элементарных прав человека, которые царят веками в тундре.

....«В последние 5 лет нескольким путешественникам пришлось посетить далекий нам Север, а именно ту часть, в которой кочуют мезенские самоеды»—пишет В. Иславин в своем труде «Самоеды в домашнем и общественном быту» (СПБ 1847 г.)—у всякого был свой предмет для наблюдения: кто посреди скудной растительности делал исследования, обогатившие северную флору, кто по расположению слоев минералов заключал о давних переворотах в недрах земли или с помощью звезды путеводной следил за правильным течением вод и положением гор по моховой той пустыне; кто, наконец, подмечая звуки тех племен, сравнивал их с своими родными и открывал в них много сходного, находил новые материалы для лингвистики и истории народов, разбросанных по обширному Северу; но никто из них, даже посреди самых увлекательных занятий и наблюдений, не мог не заметить бедности и

унижения народа, которым был окружен, не мог не внять жалобам его на притеснения в течение более полувека другим, сильнейшим племенем... Желаю, чтобы описание мое возбудило хотя малое участие к горести людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положению»...

Профессор Якобий, изучавший Каннинскую тундру, говорит о необходимости «благожелательно взглянуть на инородческие племена Севера и верить, что по умственным и нравственным свойствам они способны к культурному развитию, что угасание этих племен зависит не от природных условий страны, а от совершенно иных причин, искусственно-прививаемых инородцам... Помощь угасающим племенам есть дело чести всех культурных людей русской земли!...

Профессор Г. И. Танфильев (По тундрам Тиманских самоедов) пишет: «...Теперь, в результате многовековой эксплуатации, самоеды настолько обеднели, что большинство вынуждены жить в несвойственной среде, заниматься необычным делом. Одни из них решали расстаться с чумом и оленем и вести оседлый образ жизни, опровергая этим мнение, будто бы племя, к которому они принадлежат, неспособно к культуре. Другие берегут еще свой чум, имея надежду когда-нибудь вернуться в тундру и живут около русских селений, занимаясь, если нет другого заработка, нищенством и служат только бременем для этих селений третьи, наконец, находятся со своими семьями в услужении или даже в полной кабале у ижемцев, среди которых они или дети даже забывают свой родной язык.

Оказание, пока еще возможно, помощи угнетенному племени и возвращение ему его законной собственности—тундры, дело не только справедливости, но и прямого расчета»...

Тоже самое постоянно отмечал в своих работах безвременно погибший исследователь Печорского края А. В. Журавский и много других работников.

Но особенно яркие и жуткие страницы безправного положения самоедов Севера рисует в своих самых позднейших и безпристрастных отчетах священник с Печоры Геннадий Юрьев, который долгие годы провел в тундрах—в Карской, Большеземельской, Тиманской, на о. о. Колгуеве и Вайгаче.

«...Моя мысль переносится к инородцам, доселе бывшим предметом любознательности, интереса издали, а не деятельного участия к их спасению от вымирания... В богатых чумах люди гибнут от болезней беспомощно, а в бедных и самая жизнь мучение. Страшна кабала для инородцев. Русские люди, добровольно переносящие условия самоедских кочевков, восполняют свои лишения в тундре удовольствием от наживы. Темно и не по христиански относятся они к самоедам. Не без расчетов они выносят сцены общения с самоедами у себя в дому: угощают вином, чаем с маслом, сырым мясом, одних на кухне, других в блестящих окладах икон и лампадок, обильных мягкой мебелью, покоем.

Презирая, отчасти, один другого, соединяясь против всякого защитника самоедов «промышленники» тундры не прочь перехватить даже тайком у чужого должника.

Будто отбросы самоедского племени, следы вековых сношений торговцев с тундрой, около селений торчат чумы. В них живут калеки и нищие самоеды, и число чумов прибывает...

Сколько печального в картинах их жизни в стране светлой воды, солнечной ночи летом, желтых песков, низких кустов, чахлах селений и ужасных зим.

Непосредственные картины гонимых из жизни самоедов никого не привлекали к помощи их. Их управа собирала рубли ясака, отправляла формальность, помогала торговцам, там все было мертво и пассивно.

У самоедов немного путей сбыта, он может заменить часть своих привычных потребностей и охотно даваемыми бедняку торговцем нравоучениями. Как Пасхи, бывало, ждали самоеды источника смерти своей—водки. Я еще застал циничное проклятое ее господство над поголовно тощими дикарями.

Задушенные и примерзшие за ночь к доскам чума дети, потерянные и заброшенные, масса опившихся и «пропавших» самоедов—все это входы поля смерти, политые вином»...

Общее количество самоедов в тундрах Архангельской губ. в 1913 г. насчитывалось до 6217 человек. Но в 1919 г. очень много самоедов умерло от «испанки».

Наибольшее количество самоедов приходится на Большеземельскую тундру. Самоедов, обитающих в Канинской тундре, называют канинскими, в Тиманской—тиманскими, в Большеземельской—большеземельскими. Кроме того, в небольшом количестве самоеды обитают на о. о. Колгуеве и Новой Земле. Количество самоедов в Канинской и в Тиманской тундрах достигает не менее 1500 человек. По мнению Н. Ю. Зографа (Антропологический очерк самоедов), самоеды принадлежат к типу монголов, видоизмененному полярным климатом, а по языку стоящих в одной группе с финнами и венграми.

О происхождении самоедов существует много гипотез, но, по словам Ф. Нансена, все они равноценны высказанной одним ученым монахом, вручившим Кастрену рукопись, где он доказывает, что «самоеды происходят от израильтян, т. к. им известны 10 заповедей»..

Название «самоед» объясняется также различно. Летописи, упоминающая о «самояди», нередко именуют самоедов «сыроядцами». По другим объяснениям, слово «самоед» произошло от слова «Саме-Эднам», как называлась будто-бы страна, обитаемая самоедами и т. п. Самоеды впервые упоминаются в русской истории еще в XI в. когда летописец повествует о Югре: «людие есть язык нем и сядят с самоядью на полупочных странах»...

В Летописи Платьевского списка под 1114 г. говорится: ...«еще мужи старин ходили за Югру и за Самоядь...»

Печорцы издавна платили дань новгородцам. По падении Новгорода Великого все эти земли, в том числе и самоеды, вошли в состав Русского Царства. В 1545 г. Иван Грозный утвердил права самоедов на тундру и промыслы в губе Болванской. В 1688 г. цари Иван и Петр Алексеевичи особою грамотою подтвердили права самоедов на владение тундрами и упомянули о дань «5 алтын с лука».

С 1822 г. самоеды, в числе прочих инородцев, пользуются некоторыми особыми правами: освобождены от военной службы, управляются через своих родоначальников, по прежним обычаям и собственным законам. В 1835 г. был издан закон-проект об управлении самоедами в Арх. губ. Самоеды Канинской тундры сильно обрусели.

До сих пор сохранилось среди самоедов в тундрах много всевозможных старинных обычаев и обрядов в отношении религии, свадьбы, похорон и т. п., но все весьма тщательно скрывается от пришлого постороненного глаза. Наряду с безконечным числом икон, вывешенных в чуму, имеется множество спрятанных различных примитивных идолов и т. п. предметов шаманского культа.

По настоящее время еще чтутся самоедами за святыя места «Кузьмин передесок», близ г. Мезени, и Болванская сопка, на Тиманском

хребте. Кузьмин перелесок сильно разорен русскими; на Болванской же сопке имеется много всевозможных идолов. При следовании самоедов из тундры («на Русь») каждый самоед считает своим долгом принести оленя в жертву идолам.

Когда подойдут к Болванской сопке, то хозяин чума забирает с собой все свое семейство и едет на оленях на сопку для совершения священного обряда.

Убивается олень и мажутся кровью идола, затем начинается трапеза («обурданье») сырым мясом и сопровождается пением песен. Оленя едят не ломая костей. По окончании трапезы, оставшееся мясо увозят обратно в чум, а на сопке оставляют голову, ноги, сердце. Некоторые богатые самоеды оставляют в жертву богам и всего оленя.

На обратном пути «с Руси» самоеды снова умиляют на Болванской сопке своих богов принесением в жертву оленя.

Брак или погребение также неизменно сопровождаются всевозможными обрядами. Женятся молодые самоеды и выдаются замуж самоедки исключительно по воле своих родителей, и все обыкновенно основано на приданом «оленими». Невесту, разряженную цветными материями и разными побрякушками, возят на оленях вокруг чума. Пируют сырым мясом, а раньше и водкой. Браки беспорядочные. Жены нередко меняются, равенство возрастов совершенно не соблюдается. Многоженство в редких случаях сохранилось в Большеземельской тундре.

При погребении до сих пор оставляют с покойником различные предметы хозяйственного обихода, в уверенность, что они необходимы «на том свете» каждому самоеду: лыжи, топор, котел, ложку, аркан (тензей) иногда ружье и т. д. Все предметы оставляются исключительно в испорченном и разбитом виде, часто умышленно приводятся в негодность исключительно во избежание кражи их русскими.

Погребение сопровождается часто принесением в жертву оленя, трапезой в чуму, сопровождающейся пением всевозможных песен.

Самоедское пение напоминает скорее гнусавое завывание, вполне соответствующее окружающей мрачной и однообразной картине тундры.

Содержание песен берется чаще всего из окружающей обстановки: поют об оленях, волке, о разных личных приключениях, приуроченных к тому или иному событию жизни. Поют при первом удобном случае, обычно перед сном, а также во время сильных дождей или туманов, метелей, вызывающих своей суровостью даже у диракей какое то меланхолическое настроение. Почти все поется на один мотив.

Похоронная песня состоит обыкновенно из повествования всей жизни умершего самоеда: о том, как жил, много ли чего промыслял, сколько оленей имел и т. п. Все это пересказывается в уверенности, что «мертвые будут опять продолжать живое дело».

Примером обычной самоедской песни, часто распеваемой в тундре, может служить следующая:

«Утром я рано встал, четыре белых быка поймал, поехал по реке Енисею, по каменной щелье. Увидел две матки, четыре дитенка. Хореем стал гнездо их толкать со щельи. Матка клюнула передовому оленю в голову, олень упал. Я отступился от своих санок и пошел в чум пешком».

В большом употреблении у самоедов всевозможные старинные и героические песни о разных богатырях, одноглазых людях, о приручении оленей, о первых людях и т. д.

Песни и сказания одинаково распеваются во всех тундрах, лишь с ничтожными изменениями деталей, в зависимости от вкуса и умения исполнителей.

В этих песнях самоеды, как и всякое угасающее племя, стараются особенно ярко выразить свой былой героизм, превосходство, ловкость, силу пред другими.

Самоеды очень миролюбивый, гостеприимный в большинстве случаев честный народ, хотя постепенно перенимают от русских и зырян хитрость, воровство. Но воровство в большинстве случаев вызывается исключительно бедственным положением голодом. Грамотных самоедов совсем нет.

Богатые самоеды (многооленщики) питаются, главным образом, оленьим мясом в сыром и вареном виде, беднота рыбой (больше камбалой) и морошкой. Хлеба употребляют сравнительно немного, а бедняки часто совсем не имеют его.

Хлеб пекут на закваске, а также и пресный тут же в чуму на огне— в котлах или просто на вертеле. Чай—лакомство самоеда и выпивает он его огромное количество. Жилище—чум, зимой из оленьих шкур, летом из бересты. Верхняя одежда состоит из оленьих шкур. Везде входит в употребление ношение брюк, пиджаков, рубашек. Нижние рубашки не носят разве исключительные бедняки. О бане не имеют понятия, но некоторые самоеды в жаркие дни купаются в воде. Лицо и руки большинство моет ежедневно.

Щегольство мужчины составляют широкие ременные пояса, украшенные медяшками, а женщин—цветные сукна, ленты, побрякушки. Болезни всевозможные сильно распространены: люэс экзема, чесотка, оспа. Много наблюдается случаев больных чахоткой. Особенно много погибает от болезней детей.

По некультурности, антигигиеничности, жизнь богачей самоедов ничем не отличается от жизни бедняков. Везде болезни, мириады вшей, страдание.

Своеобразна и обособлена жизнь тундры и основана, прежде всего, на оленоводстве.

Олень—корабль тундры, он все: единственный способ передвижения в любое время года по бесконечным тундрам, источник питания и одежды населения в суровом климате, основа всего экономического благополучия кочевника тундры. Но условия, среди которых оленоводство протекает, совершенно ненормальны и лишают кочевника твердой уверенности в своем специфическом труде. Постоянные болезни оленей: сибирская язва («холера»), копытная болезнь, годами безкормица от гололеда, часто сразу уносят десятки тысяч оленей. Известны отдельные годы, в которые в тундрах Арх. губ. погибало до 150.000 голов. Падёж же в 10—15.000 голов обычное явление в тундре.

Общее количество оленей в Большеземельской, Тиманской и Канинской тундрах достигает 500.000 голов. На Тиманскую и Канинскую тундры приходится не менее 150.000 голов. Исчисления эти приблизительно, т. к. нет возможности точно установить количество оленей в той или иной тундре. Стада самоедов, в подавляющем числе случаев, не превышают 50—200 гол. на хозяина, редко 300—500, лишь в исключительных случаях доходят до 2000—3000 голов.

Стада зырян (с Печоры) нередко достигают 5000 голов и более.

У самых бедных самоедов, состоящих в большинстве случаев работниками при стадах богатых оленеводов, имеется 10—20 оленей, которых он и пасет вместе со стадами своих хозяев. На выпас самоедам отдают своих оленей и русские.

Главную пищу оленей служит белый мох (ягель), а также в летнее время трава, листья кустарников, грибы, которыми тундра очень богата.

Грибы—лакомство оленей, в поисках которого животные уходят за десятки верст.

....«Весьма характерной и в высшей степени важной особенностью оленьего ягеля—по словам Г. И. Танфильева,—является с одной стороны, способность его возобновиться от каждого ничтожного обрывка, дающего начало новому растению, а, с другой стороны, необычайно медленный, но за то безпредельный рост этого растения. Чтобы отрасти на вершок, требуется, по самой меньшей мере, лет двенадцать времени, а так как на хороших пастбищах мох достигает вышины в 2 и даже более вершка, то, для получения таких пастбищ, надо ждать четверть века. Хотя ягель и растет безпредельно, но высота его все таки не превышает известного максимума (около 2 с полов. 3 вершк.), т. к. по мере роста верхушки части его, прикасающиеся почве отгнивают. Необходимость для оленя постоянно отыскивать новые места для корма обуславливает и необходимость кочевого образа жизни человека, извлекающего из оленя все необходимое для своего существования»...

Но ягельная площадь тундры не определена до сих пор и нет сведений о возможной вместимости тундр, с точки зрения рационального ведения оленеводства и урегулирования вопроса о пользовании пастбищами тундр.

Указания некоторых авторов и случайных знатоков тундры, что тундры «так мало заняты оленями, в них еще так много простора, что в настоящее время вполне хватает места»—не выдерживают строгой критики при практическом обосновании этого вопроса.

В этом отношении наглядным доказательством является Канинская тундра. Она, благодаря нерациональному и неразумному использованию пастбищ, сильно выбита и оголена. Для оленеводства здесь имеется уже угроза недостатка корма. Это обстоятельство заслуживает тем более внимания, что Канинская тундра в отношении массовых падежей оленей за последнее время находилась в лучших условиях, нежели другие районы. Количество оленей сильно увеличилось и в настоящее время оно достигает не менее 60.000 голов. Частичный падеж оленей от копытной болезни в 1922 г. ограничился сравнительно ничтожным количеством.

Недостаток ягеля в Канинской тундре давно уже волнует оленеводов самоедов. На этой почве у них происходят постоянные недоразумения и столкновения с вторгающимися в Канинскую тундру оленеводами зырянами с их многотысячными стадами.

В отношении использования ягеля, самоеды, в противоположность зырянам, берегут свою тундру и осторожно пасут сви стада.

С выпадением снегов и с наступлением холодов, самоеды отгоняют оленей под защиту лесов для более легкой добычи корма оленям по р. р. Вижасу, Оме, Пеше, Пезе. В летнее время они не делают массовых перекочевок по тундре, в то время как зыряне, часто в июле, августе месяце отгоняют свои стада по тундре вглубь материка, при чем такое откочевывание летом зырянских стад происходит не по определенным направлениям, а совершенно произвольно. Точно такое же явление наблюдается и в Тиманской тундре, которая сильно выбита.

Что касается падежей оленей от сибирской язвы, то Тиманская тундра подвергается значительным опустошениям. Некоторые площади заражены павшими оленями, которые обычно не зарываются в землю и служат источником дальнейшего заражения. Места эти известны оленеводам. В случае падежа оленей, хозяева гонят свои стада, как можно дальше и притом обычно против ветра. Были случаи, когда оленевод-

владелец стада в 5000—8000 оленей случайно попадал в такое гибельное место и терял все стадо, а сам нередко с трудом выбирался из тундры.

В Канинской тундре таких очагов заразы нет. Но ее безусловно могут всегда занести из других тундр. Противочумные прививки стали производиться оленям сравнительно недавно, да и то в весьма незначительном размере. В Печорском уезде кочевое население относилось сперва к ним не только недоверчиво, но явно враждебно. Один из Тиманских оленеводов, чтобы удостовериться в пользе прививки, отделил из стада 80 оленей, 50-ти из них была сделана прививка. Пущенные пастись на зараженное место непривитые олени сразу же пали, привитые-же сохранились.

Этот случай имел огромное воспитательное значение для всей тундры, и отношение к противочумным прививкам быстро стало завоевывать доброжелательство оленеводов. В Канинской тундре, где падежи редки, прививки не производились. При обширности тундры и ничтожности размеров прививок они лишь в самой незначительной степени обслуживали население. Для борьбы с сибирской язвой необходимо в главных центрах сосредоточения оленеводов организовать постоянный ветеринарный надзор: в с. Несь, на западном Канине, для Канинской тундры, в с. Пеше для Тиманской тундры.

Для улучшения условий жизни самоедов и борьбы с эксплуатацией их другими пришельцами, необходимо прежде всего пересоздать коренным образом экономическо-хозяйственную жизнь тундры. Заботу о самоедах, главным образом, в отношении снабжения жизненными припасами и организации сбыта их товаров должно взять в свои руки государство. Одновременно с этим нужно установить точные правовые нормы для охраны самоедов от частной хищнической деятельности, строгий контроль над последней.

Темной разлагающей деятельности тундровых хищников необходимо противопоставить здоровую сильную конкуренцию, улучшить экономическое благополучие самоедов и навсегда вырвать их из цепких рук вековой рабской забитости и эксплуатации.

Это будет первый реальный шаг помощи инородцам. Не теоретические нужны разговоры о каком то закреплении необъятных территорий тундр за инородцами и т. п. кабинетные вымыслы, далекие от запросов столь несложной самоедской трудовой жизни, не филантропия и проповедь разной морали о самоедах, не книжные слова, а живое, творческое дело, создание прочного материального базиса для переустройства всей современной экономической жизни тундры посредством реального осуществления мероприятий, давно уже обозначенных самой жизнью.

ВОСТОЧНЫЙ КАНИН.

Канинский полуостров занимает обширную площадь и далеко выдается в море. Канин Нос лежит под $68^{\circ}39'$ с. ш. и $43^{\circ}16'$ в. д. от Гр.

Наибольшей ширины полуостров достигает по параллели Микулина мыса, около 70 верст, наименьшей же по параллели р. Чижи и р. Чеши, около 35 верст.

Береговая линия сравнительно ровная, сколько-нибудь значительных бухт или заливов нет.

Песчаный Канинский берег круто поднимается до 10—18 саж. вглубь тянется однообразная Канинская тундра, пересеченная от самого

Канина Носа до мыса Микулкина Канинским хребтом, который представляет собой незначительные перевалы.

Канинский хребет (камень) начинаясь от Микулкина мыса, идет к Канинскому носу, в направлении с SO на NW. Хребет этот круто обрывается на западном склоне и полого опускается к морю на востоке. Протяжение его до 150 верст. Канинский хребет представляет продолжение линии поднятия Тиманского хребта.

На Канинском полуострове господствует, главным образом, тундра торфяно-бугристая.

Озер в прибрежной полосе мало, и все они весьма незначительны. Ложбины рек и ручьев покрыты густой травой и мелким кустарником (ерой). Тундра усеяна голубикой, черникой, вороникой брусничкой, клюквой и безбрежными коврами морошки.

От Канинского носа (по самоедски «Яптозале» Тонкого Носа) идут следующие реки: Хей-Яга, Натте, Мадаха, Крынка, Падле, Камбальница, Худая Камбальница, Рыбная, Тавре, Песчанка, Восточная Ойва (или Жемчужная) Двойничная, Надте (или Костылиха), Крутая Сесь-Яга, Хадейга, Малая Губистая (впадают в одно устье), Большая Губистая, Яроватая, Малая Собачья, Большая Собачья, Лайденка, Чеша.

Река Чеша, впадающая в Чешскую губу, и река Чижа, впадающая в Белое море с западной стороны Канинского полуострова, сходятся своими верховьями посредством системы озер, из которых наиболее значительное озеро Парусное. До летнего спада воды по этому каналу можно проходить на судах с осадкой 3—4 фута. Для мелких лодок доступ по каналу возможен во время всей навигации. В р. р. Чиже и Чеше большое влияние имеет морской прилив.

Все реки весьма незначительны и в большинстве представляют просто ручьи. Устья рек на малую воду почти пересыхают. Скольконибудь значительных заливов или бухт по восточному Канину нет.

Река Камбальница составляется собственно из трех речек, впадающих в одно устье, образующее мелкую обсыхающую бухту Камбальницу, шириною около 1 версты. Недалеко от устья расположены две промысловых избы и часовня.

Перед устьем р. Камбальницы—находится низкий песчаный остров «Корга», как называют его самоеды, покрыт небольшими песчаными сопками, поросшими травой, на которых гнездятся тучи чаек.—Остров вытянулся в длину около 4 верст и 1 версту в ширину. Во время больших морских приливов средние части острова местами затопляются водой. По берегам острова набросано много плавнику—бревен, древесных корней, обломков аварийных судов, кухтелей (стеклянных шаров), принесенных с Мурмана и из Норвегии.

От Материка к НО тянется по направлению к о. Корга, на протяжении около 5 верст, низменная песчаная коса, («судовая кошка»), за которой около южной оконечности имеется якорная стоянка с глубиной 12—15 фут на малую воду, куда ведет со стороны моря узкий вход с глубиной 8—10 фут. Далее от косы до о. Корги тянутся обсушенные кошки, («Средняя кошка») протяжением около 4 верст, и сливаются с о. Коргой. С южной стороны о. Корги по направлению к р. Рыбной тянутся также обсушенные кошки («Большая», «Сальная», «Заливная») около 4—6 верст. Пространство между о. Коргой и этими кошками достигает около 100 саж. ширины, при глубине на малую воду от 8—10—14 фут, которая за островом сразу же переходит в 18—25 фут. Остров расположен южной своей частью в 8 верстах от берега, с северной же стороны в 4 верстах.

Глубины на малую воду около острова 2—3 саж., в северной части—4—2 фута, и в таком виде идут по всей северной и западной части пролива (Салмы), на расстоянии от берега 2—3 версты. В середине салмы по направлению от реки Камбальницы к острову глубины идут от 3—4—5—8 саж.

Стоянка судов за о. Коргой защищена от морских ветров. Что касается салмы, то при большеводьи («гременные воды») от NW вкатывается на полной воде через кошки волнение.

Морской прилив достигает на маловодьи 3—4 фута на большеводьи 8—10 фут. Грунт песок, местами ил, или песок с камнем.

Залив Камбальница с о. Корга является хотя и необычайно плохой гаванью, не удовлетворяющей самым элементарным требованиям мореплавания, тем не менее единственной по всему восточному Канину.

Из промысловых рыб попадает здесь преимущественно камбала.

Камбала очень мелкая; средняя или ровная камбала не превышает 4—6 верш. длины. Держится камбала по всему берегу, а также и в реке. Везде много камбаловой молоди.

Камбала держится здесь постоянно. Кроме камбалы попадает крупный корюх, а также и необычайно крупная навага, до 1 фун. и более. Навага за свою белизну называется «светлой навагой». Подходит она сюда массой ежегодно, как и по всему Канину, с осени с ледоставом, но держится в незначительных количествах круглый год.

Промысла наваги в зимнее время в реках от Канина Носа до Миклукина нет за отсутствием промышленников и отдаленностью района.

Попадает здесь также сельдь. Сельдь подходит к берегам Канина обыкновенно с июня месяца. Сельдь довольно мелкая. Появление сельди имеет чисто спорадический характер. В открытом море сельди много. Траулеры, промысляющие рыбу между Канинским полуостровом и о. Колгуевым с половины сентября и до половины ноября, всегда находят сельдь, как в желудках рыбы, так и в тралле. Сельдь достигала размеров в 14—16—21 сантим. экзemplяра. В траллы, несмотря на наименьшую величину ячей тралла в 1 с четв. вершка, сельдь попадала в больших количествах. Это доказывает какую массу сельди процеживают траллы и насколько успешно можно бы ловить ее на специально приспособленных судах с соответствующими орудиями лова.

Особенно важное промысловое значение имеют богатые рыбные банки расположенные по восточную сторону Канина, от Канина Мыса почти до Камбальницы и далее до о. Колгуева. Банки изобилуют тресковыми породами, а также крупной камбалой. Подход рыбы начинается с июня месяца и рыба держится до декабря. На банках в довоенное время сосредотачивались одновременно десятки иностранных траулеров, преимущественно английских и германских, которые, базируясь на деятельности отдельных русских пионеров тралового лова в этих водах, опытным путем постепенно расширяли сферу своей деятельности до о. Колгуева, и восточнее его. Главным объектом промысла являлась камбала, которая отличается весьма хорошим качеством и большими размерами. Кроме камбалы на банках держится палтус и акула. За последние годы весьма успешно и регулярно начал развиваться на канинских банках и русский тралловый лов. Что касается ярусного лова, то при наличии наживки (мойвы, песчанки, селедки) он дает хорошие результаты, но производство его крайне стесняется отсутствием бухт и заливов для укрытия промысловых судов от штормов.

Осенью, с наступлением темного времени, сюда заходит морской зверь—непра и заяц. Промыслом морского зверя занимаются по Восточ-

ному Канину самоеды, но отсутствие регулярного сбыта его продуктов сильно сказывается на размерах промысла.

Ранней весной в море приходит гренландский тюлень, который ценится на льдах около восточного Канина, что привлекает сюда норвежских зверопромышленников. Весной 1921 г. с марта месяца здесь промышляло более 20 норвежских зверобойных судов. Норвежцы истребляют зверя в территориальной промысловой зоне, благодаря отсутствию всякой охраны морских промыслов. Некоторые норвежские суда проходят даже за Микулкин мыс. Помимо промысла зверя, некоторые норвежские суда занимаются скупкой пушнины у самоедов и главным образом меной на вино. Торговля эта носит исключительно злостный мошеннический характер.

Льды появляются обычно здесь около января месяца. Льды в районе Восточный Канин—о. Колгуев задерживаются обычно до половины июня, а то и дольше, в зависимости от ветров. Здесь по местному определению, существует «ледяной колоб», т. е. обильное скопление льдов. Кроме того льды, отходящие весной из Белого моря, также заполняют этот район.

Климат Восточного Канина довольно суровый. Морозы наступают рано и зимой нередко достигают 25°—30° к. Бывают продолжительные жестокие снежные метели.

Около Канинского полуострова летом—в июне преобладают N и NW ветры; в июле NO; в августе устанавливается хорошая погода с SSO-SSW ветрами и продолжительными штилями. В сентябре дуют ветры SW—NW и сопровождаются сильными штормами.

По всему Канинскому полуострову разбросаны самоедские чумы. Общее количество самоедов около 700 человек. Русских селений по Восточному Канину нет. Но в зимнее время в небольшом количестве приходят на промысел наваги русские промышленники в устья рек: Губистой, Чеши, где имеются промысловые избышки.

Кроме оленеводства и отчасти рыбного и морского звериного промысла, самоеды занимаются здесь с большим успехом промыслом пушного зверя (песец, лисица, волк, росомаха).

Добывается зверь преимущественно кулемами, которые заряжаются при выпадении первых снегов. Общее количество кулемов весьма значительно: на каждого самоеда приходится от 50 до 200 кулемов. Промысел пушного зверя бывает удачен годами. Вообще же промысел пушного зверя в Канинской тундре сильно сокращается. Этому способствует прежде всего хищническое и неразумное уничтожение молодых зверей в летнее время (крестоватиков). Промысел на водоплавающую птицу развит в незначительном размере. Птицы, особенно гусей, сравнительно мало. Былые массовые добычи гусей теперь отошли в область предания. Истребление их летом во время линяния привело вообще на Севере к сильному сокращению гусей; это же самое можно сказать и про турпанов, которыми так еще недавно был богат Восточный Канин, а особенно о. Колгуев.

Во всех областях хозяйственной жизни этого края на первый план выступает необходимость регулирования ее определенными нормами и положениями во избежание постепенного разорения края.

КАНИН НОС.

Средняя месячная температура воздуха по данным Центральной станции Гидро-метеорологической службы Северного Ледовитого океана.

МЕСЯЦЫ.	1916 г.	1917 г.	1918 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.	Средн.
Январь . .	— 11,9	— 11,9	— 14,0	—	— 8,7	— 5,9	— 10,5
Февраль . .	— 9,8	— 18,7	— 12,0	—	— 7,5	— 6,6	— 10,9
Март . . .	— 10,2	— 13,6	— 10,2	—	— 2,7	— 5,3	— 8,4
Апрель . .	— 6,1	— 6,6	— 2,4	—	— 2,1	— 0,8	— 4,5
Май	— 3,4	— 3,5	— 4,3	—	+ 2,4	+ 2,5	— 1,3
Июнь . . .	+ 2,7	+ 2,7	+ 2,5	—	—	+ 9,3	+ 4,3
Июль . . .	+ 9,9	+ 6,5	+ 4,0	—	+ 9,5	—	+ 7,5
Август . .	+ 5,1	+ 6,5	+ 4,1	+ 10,7	+ 10,0	+ 9,0	+ 7,6
Сентябрь .	+ 3,9	+ 4,8	—	+ 7,0	+ 7,0	—	+ 5,7
Октябрь . .	— 0,1	+ 1,6	—	+ 2,0	+ 0,1	—	+ 0,9
Ноябрь . .	— 1,9	— 15,5	—	— 3,9	+ 0,2	—	— 2,8
Декабрь . .	— 8,3	— 5,2	—	— 9,5	— 2,5	—	— 6,5
Средняя .	— 2,5	— 3,4	—	—	—	—	— 1,6

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Из героических песен, наиболее любимых и распространенных среди самоедов, наибольшей популярностью пользуется следующая:

«...Тундренный старик в сосновом бору жил. Много оленей накопил, так что не может владеть: куда олени пойдут, тут и чум сидит. Отец говорит сыну; надо ехать в город Обдорск, закупить ножей, топоров, табаку не стадо, водка вся выпита, у баб игол нет. На лиственничных

палках стояло 30 саней. 20 саней хочет взять с собой лишец и песцов. Когда стала полночь я вышел из чума, 20 саней (аргиш) растянул. 30 тысяч оленей пригнал к чуму, в юрок быков связал, для себя 200 быков, себе держать 4 белых быка, сестре 4 пестрых быка, а к непою 15.000 оленей. Сани запряг, к отцу в чум зашел. Отец родимый, укажи где пойду? Отец на улицу вышел, мне рукой указал на большое болото против реки. Болотом пройдешь темный лес прямо, прямо реки придет большая река, прямо режь. Реку перешл—каменная гора, на каменную гору поднимись. Каменную гору гони семь дней налево. Семь дней прошло каменная гора кончилась. Каменну гору пройдешь—Обдорск город на ночь тут и встань. Ночь ночевал. На утро налегке пошел, в Обдорский город зашел. К хозяину в гости зашел. Хозяин меня в переднюю горницу посадил и вином угощал.

Обдорский хозяин говорит: друг великий, что тебе надо? Я сказал: наперво мне три ведра вина дай.

Хозяин сказал: тебе, друг великий, три ведра вина в сани положено. Я на улицу вышел и в чум пошел.

В чум дошел, оленей выпускал, посудину с вином в чум занес. Мы с сестрой стали вино пить. Пили трои сутки и три дня прошло. На улице слышно двои сани пришли, два самоеда, и на улице говорят: тундреный выйди, докуда вино будешь пить? Два самоедина говорят: войско пришло, в сосновом бору отца убили, мать убили, 30 тысяч оленей всех угнали, имущество все взяли. Я эти речи выслушал, испугался и на улицу выскочил. Взглянул—никаких людей нет. Я поскорее оленей к чуму пригнал, в сани запрег четыре белых быка и пошел. Пошел в город Обдорск, зашел воротами. Хозяин обдорский говорит: что тебе надо, друг великий? Я к тебе не в гости пришел: в сосновом бору войско пришло, отца, мать убили, у меня все взяли и оленей угнали 30 тысяч.

Обдорский хозяин, дай мне 100 солдат, я пойду воевать. Три умрет, то я 800 оленей отдам.

Еще, хозяин, саблю дай, еще, хозяин, пять возов луков десять возов стрел. Все готово и десять лошадей запряжено. Потом я на улицу вышел. Я возжу дернул, ехать хочу. Хозяин на улицу вышел. Хозяин говорит: друг великий, какое войско, не поддавайся.

Хозяин говорит: есть ли у тебя железное платье?

Я сказал: у меня нет. Хозяин сказал: на десяти лошадях, в трех возах железное платье положено.

Я пошел за мной идут десять лошадей и солдаты.

В чум дошли, я заревел сестре: чум ломай!

Сестра чум сломала. Лошадей обратно послали. И народ пошел в сосновый бор. На старое чумовище дошел. Отец повешен за бороду на еук на дерево, отпа увидел и плакать стал. Докуда буду плакать? Надо за войском идти. Мы пошли семь дней. Увидали 30 тысяч оленей. Дороги разделились. Одна дорога к тунгусам ушла, другая дорога к тасиньям ушла.

Сестра, поскорее чум сделай!—Сестра чум сделала. Теперь пойдем воевать. Я надел три железных платья, обулся, оделся. Солдатам сказал: чум берегите. Я один пойду воевать.

По тасинеевой дороге пошел. Шел, шел. Они в темный лес зашли. По лесу иду. В лесу круглое болото. Тут чумы стоят. Я сани связал, лыжи выдрнул, из кармана саблю достал. И пошел и увидел: два пастуха, один сидя спит, другой лежит и спит. Обоих зарубил. Потом 6 нашел и тех зарубил. Потом к саням пришел, обратно. Больше караульщиков не нашел. К саням пришел и лыжи связал. Лук взял и к чумам пошел.

К самому хозяину в чум зашел. Я луком в шест колонул. Тасиней хозяин, докуда спишь над готовым, не ты наживал. Тасиней хозяин испугался и соскочил со сна. Мешок схватил и в сенекуй бросил. Куда мешок упал, я тут стрелил, шесты все пересекло. Тасиней хозяин схватил мешок, к дверям бросил. Я опять стрелил. Все шесты пересекло. Потом Тасиней хозяин через мукудан выскочил. Я в его стрелил, так его пересекло на два куска. Потом войско из чума на улицу выскочило. До полуночи не дошло я всех убил. Все свое имущество взял, оленей обратно взял, в свой чум пригнал.

Я опять за тунгусами пошел. Солдаты в чуму остались, чум караулить. Я весь день иду, вечер стал. Потом видим большая река за рекой видны чумы тунгусов. Я нареку спустился, налево, сани связал. Лук дернул. К тунгусам подходить стал. Тунгусы увидели, схватили свои луки, начали стрелять в меня. Я убежал в свой чум, взял солдат обдорского хозяина 50 человек, с луками и копьями, и опять пошел на тунгусов войной.

Три дня я бился с тунгусами. Потом тунгусы побежали. В бегстве мы их гнали до Уральского хребта. Потом они спустились и собрались в долину.

От тунгусов и тасинеев мы собрали все свое добро»...

А. А. Жилинский.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТ...

МАТЕРИАЛЫ

ОБ ОСТРОВАХ

ШПИЦБЕРГЕНЕ

И МЕДВЕЖЬЕМ.

ГПБ Русский фонд

37.62.8.352